

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ АНГЛОСАКСОНСКОГО СОЦИУМА

Статья посвящена исследованию повседневной жизни англосаксов в период VII–XI вв. на материале древнеанглийских текстов. В ней сделана попытка проследить динамику семиотических, языковых и дискурсивных фиксаций повседневности в лингвокультуре англосаксов в период становления этого этноса через ее вербальную реконструкцию. В работе изучаются охота и рыбалка как потребностная сфера жизни англосаксов, отражающаяся в текстах, в которые включаются номинации, приобретающие статус лингвистических маркеров социальных ситуаций прошлого.

I. Yanushkevich

LINGUISTIC SEMIOTICS OF ANGLO-SAXON SOCIETY'S DAILY LIFE

The article investigates the daily life of the Anglo-Saxons as described in the Old English texts of the 7–11th centuries. The author makes an attempt to trace the dynamics of semiotic, lingual and discourse denotations of the daily life of the Anglo-Saxons through verbal reconstruction. Hunting and fishing representing vital needs of the Anglo-Saxons receive their verbal manifestation in texts, in which lexical nominations acquire the status of linguistic markers of social situations of the past.

История повседневности, жизнь и быт многочисленных этносов в диахронической перспективе и в их синхронном состоянии, а также отражение повседневной жизни в соответствующих языках и дискурсах сегодня являются неотъемлемым компонентом гуманитарных исследований. Это и понятно: антропоцентризм как методологический принцип раздвинул тесные рамки имманентной – структурной – науки, тем самым позволив исследовате-

лям идентифицировать свое прошлое «...не через абстрактные изменения структур, но в виде деятельности потребления конкретного исторического человека»¹. Спрос на «маленького человека» как безымянного участника исторического процесса, не всегда творящего историю, но испытывавшего на себе сокрушительную силу ее хода, демонстрирует растущий интерес Homo sapiens к своему прошлому именно через призму антропоцентризма. Исследование лингво-

семиотики повседневности прошлого, т. е. осмысление динамики формирования знаковых систем в быту конкретного этноса, вместе со своеобразием погружения таких систем в толщу текстов как свидетельств дискурсивной деятельности исторического человека видится нам чрезвычайно актуальной задачей систематизации гуманитарного знания в целом.

В предлагаемой статье делается попытка представить и описать семиотическую картину повседневной жизни англосаксов в период становления этого этноса и трансформацию в то, что он представляет сегодня после многочисленных исторических событий, через ее вербальную реконструкцию. Иными словами, история повседневной жизни англосаксонского общества названного периода будет представлена через те вербальные (знаковые) следы, которые оно оставило в истории своего языка и тех текстах, которые оно генерировало. В данной статье на материале древнеанглийских текстов изучаются рыбалка и охота на зверей и птиц как лингвосомиотическое пространство одной из важнейших сторон повседневной жизни англосаксов с момента зарождения данного социума.

Познание и когнитивное освоение человеком мира, его окружающего и дающего ему жизнь, неразрывно связаны с семиозисом, понимаемым как означивание, т.е. процесс «знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы»². Как пишет А. В. Олянич, «самым древним примером такого процесса является семиозис охоты, которая представляет собой способ выживания человека как вида и немислима без знаков, обеспечивающих его существование, а также способствующих получению информации об источнике пропитания в дикой природе, и, соответственно, формированию особого типа коммуникации — охотничьей, удовлетворяющей витальные потребности»³.

Главная цель охоты — поиск, нахождение и поимка (добыча) трофея, умерщвляемого для потребления, реализовывалась посредством кропотливой и интенсивной информационной «подготовки». Вся деятельность охотника, издревле протекавшая в условиях перманентной борьбы с природой, требовала поведенческого опыта и знаний как о ее обитателях, составляющих объекты охоты, так и о том семиотическом пространстве, в котором разворачивалась такая борьба. Между охотником и лесом веками складывался своеобразный знаковый диалог, итогом которого явилась мощная когнитивная система взаимоотношений человека и природы в целом⁴.

Охота являлась неотъемлемым компонентом повседневной жизни воинов-англосаксов, в том числе соколиная, развивающая навыки, полезные в сражении. Добыча состояла из волка, кабана, оленя или мелкой дичи наподобие зайца, выдры и, быть может, бобра. К кролику, по всей видимости, интерес как к дичи начал проявляться лишь после нормандского завоевания, когда укоренилось разведение кроличьих садков. Хотя главным оружием для охоты считалось копье, умелые воины хватались, что брали кабанов лишь одним мечом да щитом. На гобелене из Байо при загрузке на корабль Гарольда Годвинсона в начале его дипломатической миссии в Нормандии имеется изображение охотничьих собак. Соколиная охота была чрезвычайно популярной и скрашивала однообразие походной жизни, особенно при длительных военных кампаниях. Некоторые члены личной гвардии короля (*hearthweru*) брали соколов (или ястребов) даже на поле боя: в поэме «Битва при Мэлдоне» один из приближенных элдормена Бирхтнота выпускает на волю своего ястреба перед самым началом сражения:

«Then did Offa's Kinsman first know
That the earl would not brook cowardice,
Loosed he from his hands his darling to fly,
His hawk to the wood...»⁵

М. и Ч. Квеннелы, известные бытописатели англосаксонской повседневности, предлагают дескрипцию англосаксонской охотничьей семиотической системы, которая соединяла жизненно необходимый потребностный элемент (охота для пропитания и выживания) и стремление к развлечению и отдыху (охота как игра): «Hunting was not purely sport, as it was relied upon to bring food to the table, but it could be very exciting and therefore enjoyable. Huge numbers of deer roamed the vast forests and marshes of Britain, and provided a good supply of game to those able to stalk and bring them down. Wolves too were hunted as a protection to the flocks of sheep on which so much depended. These intelligent predators nearly suffered the same fate as the bear, hunted to extinction on the island in the 10th century. Boar hunting was hunting of the most challenging kind, and many dogs, horses, and men were killed while trying to hunt this speedy, ferocious and clever beast.

Good hounds were cherished both as working animals and as companions, and the rich often times made gifts of such dogs. King Ælfred, greatest king of the Anglo-Saxon era and perhaps indeed of any other, sent a brace of fine hounds to the archbishop of Reims.

Only the very richest lords kept falcons specially trained to bring down pigeons and starlings and the like. Riding out on horseback and releasing the falcon and watching it swoop down on its prey was a very aristocratic sport indeed. (Many of these falcons were from Viking traders who captured and trained them in Scandinavia, and then sold them to the rich in Britain, Northern Europe, and as far East as Arabia.) Although most fish were captured in weirs set up in rivers, streams, and narrow ocean channels, line fishing was practiced, and was undoubtedly found to be as enjoyably frustrating as it is today»⁶.

Связь охоты с игрой просматривается в англоязычном наименовании *game*: так называют англичане дичь — животных как объект охоты. Как известно, древнеанглийское слово *gamen*, первоначально означав-

шее трофеей на охоте, впоследствии получило значение «игра».

Значимость охоты для англосаксов как потребностной категории просматривается во многих лингвосемиотических маркерах, вербально и невербально свидетельствующих, насколько жизненно необходимой была эта деятельность. Дискурсивные свидетельства тех времен отражают динамику семиотического перехода охоты как повседневной категории в категорию институциональную, при этом регистрируя смену функций — от потребностной к рекреативной, исполняемой всем этносом, от рекреативной — к рекреативно-институциональной, исполняемой только властными персонами, от рекреативно-властной к презентационно-властной, демонстрирующей возможности и признаки власти как института⁷. Трофеи и добыча символизировали мощь зарождающейся монархической системы, силу власти англосаксонских вождей и соверенов. Так, вопреки являлся священным символом власти вождя и почитался англосаксами вплоть до опредмечивания в знаках власти. П. Н. Хелм, исследователь биографии Альфреда Великого, отмечает: «Sacred to the god Freyr, these ferocious and cunning beasts were held in utmost esteem by the early Anglo-Saxons and Danes. Even after most Anglo-Saxons accepted Christianity, boar symbolism and imagery figured strongly in both art and literature»⁸.

В своем труде об этом англосаксонском монархе он приводит цитату из сочинения придворного биографа короля Альфреда уэльсского монаха Ассера, который, живо описывая битву с датчанами при Эшдауне (the battle of Æscedune, 871 г.), сравнивает храброго короля именно с его личным символом — вопреки (*жenne bar*): «The king (Ælfred's older brother Æthelred, soon to die) remained long in prayer, and the pagans (Danes) came up quickly, ready to fight. Then Ælfred, second in command, could bear the attacks of the enemy no longer. He must either retreat, or begin the battle without waiting for

his brother. At last he led his forces like a wild boar against the enemy, without waiting for his brother's arrival...»⁸.

Существует также большое количество вербальных свидетельств релевантности охотничьего семиозиса для воинствующих англосаксов и германских племен в целом, причем вепрь, как священное животное, выражаясь метафорически вслед за М. и Ч. Квеннелами, «клыками и рылом вспахал поля практически всех известных англосаксонских битв»⁹.

Бытовая повседневность охоты в процессе становления англосаксонской государственности — от правления первых англосаксонских вождей до захвата и владения норманнов — трансформировалась в особые ритуалы власти, которые привлекались для укрепления последней. Иными словами, власть в режимах становления, а затем и укрепления требовала особой — визуализированной — семиотики, и такая семиотика была успешно заимствована из постепенно формировавшихся ритуалов охоты. Так, О. В. Анненкова отмечает, что для коронации Генриха VIII использовался специальный регламент одеяний:

- для рыцарей-участников ритуальной коронационной охоты — «...armed from head to foot they each had one side of their armor-skirts... made of green velvet embroidered with gold pomegranates»; «...on their headpieces each wore a plume of gold damask»);

- их лошадей — «...all on horseback and horse-trappings made of white velvet embroidered with gold roses and other devices...»; «...dressed, like their mounts, in green satin embroidered with fine golden bramble branches...»;

- их челяди — «...a number of men dressed as foresters or gamekeepers in green cloth, with caps and hose to match...»¹⁰.

В своем исследовании лингвосемиотики охотничьей коммуникации А. В. Олянич такие знаки называет знаками-декрипторами и полагает, что именно при

помощи такой визуализации охота становится мощным инструментом поддержания англосаксонской власти¹¹.

Лингвосемиотическое пространство охоты англосаксов репрезентировано прежде всего средой обитания объектов охоты — диких животных и означено в дискурсе субъектов охоты — промысловиков, охотников, птицеловов и рыбаков. Надо сказать, что в наиболее известном тексте, отражающем лингвосемиотику англосаксонской охоты, хорошо просматривается ее нарождающаяся институциональность: речь идет об известном «Разговорнике» Элфрика¹², ученого монаха, который создал их в дидактических целях научения юных англосаксонских послушников правильной латыни, чтобы они могли участвовать в жизни аббатства. Этот текст является важным свидетельством повседневной жизни членов англосаксонского социума, особенно его низших слоев. Между строк на латыни были вписаны строки на древнеанглийском, что и позволяет получить доступ к лингвосемиотике и лингвокультуре повседневности англосаксонского этноса. Элфрик написал «Разговорник», используя живые бытовые ситуации на хорошо известные ученикам темы. Так, в первой части они разыгрывают роли людей разных профессий: охотника, рыболова, птицелова, пахаря, кожевенника, торговца и т.д. Во второй части учитель расспрашивает мальчиков об их жизни и обязанностях как послушников аббатства. Чтобы воспитать будущих монахов в реалиях властной коммуникации, предлагаемые диалоги выдержаны в стилистике послушания (отчего используется сама форма вопросно-ответной инструкции) и постоянной апелляции к подчинительной диаде «король — слуга», о которой будет сказано ниже. Мы проанализируем три диалога из «Разговорника» Элфрика: учителя с учениками в ролях охотника, рыболова и птицелова, которые являются слугами короля и исполняют его приказы.

Важным качеством участников охоты — людей (охотников) и животных как субъектов (собак и хищных прирученных птиц) — является ролевая обусловленность выполнения ими того или иного действия во время охоты. Эта исполняемая во время охоты роль как профессиональная ориентация отражена в соответствующих номинациях. Так, знаки-участники (субъекты) уже у англосаксов были разведены функционально (*hunta* — охотник, *fugelere* — птицелов, *fiscere* — рыболов). Собаки (*hunda*) использовались только охотниками и только при загоне крупного зверя,

Hwylcne crft canst u?
 Hunta ic eom.
 Hwilce wildeor swyþost gefehst þu?
 Ic gefeo heortas ond baras ond rann ond rægan ond hwilon haran.

б) номинации речных и морских животных и рыб — *æl* (eel), *hacod* (pike), *myne* (minnows), *ælepute* (dace), *sceota* (trout), *lamprede* (lamprey), *hæringc* (herring), *leax*

— Hwylcne cræft canst þu?
 — Ic eom fiscere...
 — Hwilce fixas gefehst þu?
 — *Ælas* ond *hacodas*, *mynas* ond *æleputan*, *sceotan* ond *lampredan*, ond *swa wylce swa on wætere swymmaþ*...
 — Hwæt fehst þu on sæ?
 — *Hæringc*as ond *leaxas*, *mereswyn* ond *stirian*, *ostran* ond *crabban*, *muslin*, *winewinclan*, *sæcoccas*, *fage* ond *floc* ond *lopystran* ond *fela swylces*.

В англосаксонском дискурсе охоты и рыбалки уже в те времена сформировалась лингвосемиотическая система инструментов и способов ведения этой деятельности. «Разговорник» Элфрика фиксирует

Hu begæst þu cræft þinne?
 Ic brede me *max* ond sette hie on stowe gehæppre, ond *getihte hundas mine þæt wildeor hie ehton*, oþþæt hie becuman to þæm *nettum* unforsceawodlice ond þæt hie swa *beon begrynodo*, ond ic ofslea hie on þæm *maxum*.
 Ne canst þu huntian buton mid *nettum*?

мелких животных ловили сетями или стреляли из лука. Птиц ловили при помощи ястребов (*hafoc*) и соколов (*falcon*).

В лингвосемиотике англосаксонской охоты и рыбалки (последняя была ничем иным как охотой на воде, ведь даже при рыбной ловле использовались те же инструменты — сети и острое копье, — что и в охоте на лесную дичь) широко представлены номинации участников-объектов. К таковым относятся:

а) номинации диких животных — *bar* (boar), *heort* (hart), *bera* (bear), *ran* (roe), *ræge* (goat), *hare* (hare), *swin* (wild-boar, pig):

Teacher: What skill do you have?
 Pupil: I am a hunter.
 Teacher: What sort of beasts do you catch mainly?
 Hunter: I catch harts, bears, does, goats and some hares.

(salmon), *mereswyn* (dolphin), *stiria* (sturgeon), *ostre* (oyster), *crabba* (crab), *muscelle* (mussel), *winewinckle* (periwinkle), *sæcocc* (cockle), *fagc* (plaice), *floc* (flounder), *lopystre* (lobster):

Teacher: What skill do you have?
 Pupil: I am a fisher.
 Teacher: What fish do you catch?
 Pupil: Eels and pike, minnows and dace, trout and lamprey, and any other species that swim in the rivers.
 Teacher: What else do you catch in the sea?
 Pupil: Herring and salmon, dolphins and sturgeon, oysters and crabs, mussels, periwinkle, cockles, flatfish, plaice and lobsters and such like.

такое положение дел, означивая ситуации ловли и поимки зверя или рыбы при помощи следующих номинаций (они выделены курсивом):

- в диалоге с охотником:

Teacher: How do you perform your skills?
 Hunter: I take my nets with me and set them in a suitable place, and set my hounds to pursue the beasts so that they reach the nets unexpectedly and are ensnared. Then, while they are still trapped in the nets, I cut their throats.
 Teacher: Do you have any other method of hunting instead of nets?

Gea, butan nettum huntian ic mæg.

Hu?

Mid swiftum hundum ic betæce wildeor.

- в диалоге с рыболовом:

Hu gefehst þu fixas?

Ic astigie min *scyp* ond *wyrpe max* mine on ea, ond, ancgil ic *wyrpe ond spyrta*n, ond, swa hwæt swa hig gehæftað ic genime.

- в диалоге с птицеловом:

Hwæt sægst þu, fugelere? Hu beswicst þu fugelas?

On feala wisan ic beswice fugelas: hwilum *mid netum*, hwilum *mid grinum*, hwilum *mid lime*, hwilum *mid hwistlunge*, hwilum *mid hafa*ce, hwilum *mid treppum*.

Hæfst þu *hafoc*?

Ic hæbbe.

В тексте «Разговорника» Элфрика своеобразно проявляется институциональность — только применительно к охотничьей коммуникации. Фигура короля как хозяина и повелителя субъектов

Hunta ic eom.

Hwaes?

Cincges.

Hwaet dest þu be Pinre huntunge?

Ic sylle cynce swa hwaet swa ic gefo, for þam ic eom hunta his.

Hwaet sylþ he þe?

He scryt me wel ond fett ond hwilon syllo me hors oþþe beah, þaet þe lustlicor craeft mine ic begancge.

Обратим внимание на то, что уже в таком учебном тексте продукт становится знаком социального неравнопра-

Hwær cypst iou fixas þine?

On ceastre.

Hwa bigþ hi?

Ceasterwara. Ic ne mæg swa fela gefon swa ic mæg gesyllan.

Кроме того, если охотника содержит король, то рыболов вынужден обеспечи-

Hwæt begyst iou of þinum cræfte?

Bigleofan ond *scrud* ond *feoh*.

Hunter: Yes, indeed, I hunt without using nets.

Teacher: How?

Hunter: I chase the wild beasts with very swift hounds.

Teacher: How do you catch the fish?

Fisherman: I get into my boat, put my nets into the river and then I cast my bait and wicker baskets, and whatever I catch I take.

Teacher: What have you to say, birdman? Tell us how you catch birds?

Birdcatcher: I have many ways of catching birds. Sometimes I use nets, sometimes snares, sometimes lime, sometimes by using a decoy, sometimes with hawks and sometimes traps.

Teacher: Do you have any hawks?

Birdcatcher: Oh, yes, I do.

охоты оказывается нарочитой константой и лингвосемиотически подкрепляется постоянным повторением в диалоге с охотником такой ситуации подчиненности:

Pupil: I am a hunter.

Teacher: In whose service?

Hunter: The King's.

Teacher: What do you get from your hunting?

Hunter: Whatever I capture I give to the King, since I am his huntsman.

Teacher: What does he give you?

Hunter: He feeds me and clothes me, and gives me a horse and armour, so that I can perform my duties as a hunter freely.

вия: рыба — еда простых смертных, о чем свидетельствует диалог с рыболовом:

Teacher: Where do you sell your fish?

Fisherman: In the town.

Teacher: Who buys them?

Fisherman: The townfolk. I cannot catch as many as I can sell.

вать себя сам:

Teacher: What do you gain from your skills?

Fisherman: I get food, clothes and money.

Если король *забирает* еду, так только у охотника, который является его подчиненным. Рыбак же волен *продавать* наловленное таким же простым беднякам, каким является он сам.

Одновременно с этим наблюдением отметим, что лингвосемиотический анализ англосаксонских номинаций охоты и рыбалки позволяет выявить ряд динамических изменений собственно в социологии англосаксонского этноса. Так, личность птицелова в диалоге из «Разговорника» Эльфрика явно демонстрирует свою социальную не-

Ond forhwi forlæst þu þa getemedon ætwindan fram þe?

Forþam *ic nelle fedan* hig on sumera, forþampe hig þearle etaþ.

Ond manige fedað þa getemodon ofer sumor, þæt eft hig hig habban gearuwe.

Gea, swa hig doo, ac *ic nelle swa deorfan ofer hig, forþam ic cann ofre, na þæt ænne, ac eac swilce manige gefon.*

Подводя итоги, отметим следующее. Лингвосемиотический анализ повседневности, безусловно, представляет собой эффективный инструмент для исследования и реконструкции динамических процессов в любом обществе, отражаемых в его языках, текстах и дискурсах. Вербальные и невербальные знаки разного статуса, формирующиеся в системы и затем в силу исторических причин распадающиеся на отдельные подсистемы, исчезающие вовсе или, наоборот, продолжающие свое динамичное существование и развитие, оказываются чрезвычайно полезными для лингвистов разных специализаций, поскольку эти лингвосемиотические следы позволяют объяснить глобальные социолингвистические процессы. Так, перефразируя лозунг немецких историков «от изучения государственных структур и анализа глобальных общественных структур и процессов — к маленьким жизненным миркам и повседневной жизни обыкновенных

зависимость. Надо сказать, что сам факт обладания ястребами (и соколами) говорит о многом: как полагают многие исследователи истории повседневной жизни англосаксов, викингов и норманнов, именно из таких «гордых охотников на хищных птиц вышли поколения будущего баронства или дворянства»¹³. Самодостаточность сквозит как в модальности, так и в тональности диалога с птицеловом в целом, что заметно по употребляемым формам отрицания и по противопоставлению себя «другим людям» (*na þæt ænne, ac eac swilce manige gefon*):

Teacher: But why do you let your birds fly away from you?

Birdcatcher: Because I do not want to feed them in summer and because they eat too much.

Teacher: But many men feed their tame hawks in summer in order to have them ready.

Birdcatcher: Indeed, they do, but I do not want to have the task of looking after them, and I know that other men can catch not only one but several.

людей»¹⁴, заметим, что именно обращение к повседневности дает возможность реконструировать самые сложные, подчас невидимые и трудно объяснимые для современного ученого глобальные процессы в социальном, и следовательно, активно творящем реальность, говорящем и пишущем континууме.

Изучение потребностной сферы англосаксов, точнее, той ее части, какой являются охота и рыбалка, позволяет приблизиться к семиотическим основаниям становления англосаксонской государственности и продемонстрировать, как номинации, включенные в потребностные тексты и дискурсы, приобретают статус лингвистических маркеров той или иной социальной ситуации, случившейся в прошлом англосаксонского этноса, а их лингвосемиотический и семантический анализ дает возможность спрогнозировать и объяснить причинно-следственные связи социолингвистического характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муравьева М. Г.* У истоков истории повседневности // *Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов* / М. и Ч. Квеннеллы; Предисловие М. Г. Муравьевой. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 6.

² *Мечковская Н. Б.* Семиотика. Язык. Природа. Культура. Курс лекций / Н. Б. Мечковская. — М.: Academia, 2004. — С. 14.

³ *Олянич А. В.* Потребности — дискурс — коммуникация: монография / А. В. Олянич. — Волгоград: ИПК ВГСХА «Нива», 2006. — С. 67–68.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ *The Battle of Maldon* (with the translation from the Anglo-Saxon by Michael Alexander) // *The Earliest English Poems*. — London: Penguin Books, 1991. — P. 102–111.

⁶ *Quennel M., Quennel C.* Hunting as Pastime and Sport in Anglo-Saxon Society [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.octavia.net/PastimesGames.htm>

⁷ Об институциональности охоты, охотничьем дискурсе и функциях охотничьей коммуникации как категории лингвосемиотической см. наблюдения *А. В. Олянича*: «...По всем формальным показателям — конститутивным признакам — охотничья коммуникация может считаться институциональным дискурсом, так как имеет свою лингвосемиотическую составляющую в виде хроно-топических знаков, четко обозначенных в семиозисе знаков участников; наконец, имеет цели — *легислативную* (институциональное регулирование природных ресурсов), *презентационную* (укрепление имиджа власти как хозяина этих ресурсов), *рекреативную* (поддержания «спортивного тонуса» власти для обеспечения ее долготлетия). Помимо институциональности, системообразующие признаки охотничьего дискурса включают также в себя *речевые жанры* и *ритуальность* (*театральность*), рефлектирующие его *ценности...*» (Там же, с. 51). Как представляется, все это справедливо и по отношению к потребностной семиотике англосаксонского этноса.

⁸ *Helm P. N.* Alfred the Great: The Biography [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.octavia.net/helm/aelfr/htm>

⁹ «The narrow end of the pear-shaped Ælfred Jewel is the head of a *boar* worked in gold; its open, threaded mouth probably was intended to hold a wand, and the completed jewel used a pointer to aid in reading the king's translation of Gregory's Pastoral Care which he sent to his bishops. The unknown scop who created the masterwork Beowulf refers to a helmet embellished with protective *boar images*: "wonderfully formed, beset with swine-forms so that it then no blade nor battle-swords to bite were able..." (literal translation from the Old English by John Porter, lines 1452–1454). Depictions of *boars* feature prominently in the fabulous treasure from the Sutton Hoo burial, grave of Rædwald, king of the East Angles, who died c 625. The Danes too employed the power of boar imagery in warfare. The Viking warrior cult of the Svinfylking was dedicated to the *boar*, and its elite warriors fought in a wedge-shaped formation, fronted by two especial fighters who formed the Rani, or snout. It took an inordinate amount of skill and courage to track and kill wild boar. Their native intelligence, speed and nimbleness made for many unsuccessful forays. When finally cornered, the devastating use of their razor-sharp tusks often left men, dogs, and horses mortally wounded. It is small wonder that a boar's head was a dish fit for kings»⁶.

¹⁰ *Анненкова О. В.* Лингвокультурные характеристики англосаксонского властного дискурса / О. В. Анненкова. — Дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2004. — С. 40.

¹¹ *Олянич А. В.* Там же. С. 56.

¹² *Ælfric's Colloquy* [Электронные ресурсы]: древнеанглийская версия — www.ucalgary.ca; перевод А. Уоткинс с латинского на современный английский язык — www.kentarchaeology.ac.

¹³ *Тремельян Д. М.* Социальная история Англии / Д. М. Тремельян. — М., 1959. — С. 234.

¹⁴ *Оболенская С. В.* История повседневности в современной историографии ФРГ / С. В. Оболенская // *Одиссей. Человек в истории*. — М., 1990. — С. 183.